

пенными “чинами” у себя на родине и решая “эпохальные” для России задачи, стремились попасть в социальную элиту российского общества. Их желание было осуществимо, ибо стараниями Петра I и Екатерины II процесс “европеизации” России наполнялся и конкретизировался принятием иностранцев на службу (с. 97). Так, Рехман, попав в Россию в качестве посла, а затем, участвуя в Китайской и Монгольской экспедициях, проявил себя как организатор медицины и политик и выступил за взаимовыгодный обмен знаниями с китайскими врачами. Автор подчеркивает, что исследователь призывает к пониманию чужих культур, не рассматривая их в качестве угрозы Российской империи. Рехман стал профессором Московского университета и Хирургической Академии в Москве, а также был награжден орденами св. Анны 2-й степени и св. Владимира (с. 98–99).

Завершает книгу интересная и в своем роде подводящая итог дискуссия о понятии “немцы” работа Я. Кузбера о жизни, научной деятельности и карьере Ф.П. Литке. В отечественной литературе Литке именуется то русским мореплавателем, то немецким естествоиспытателем на русской службе, т.е. определенной констатации его государственно-этнической принадлежности нет. Проблема разрешается определением подданства человека, однако Кузбер подошел к ней с позиции самоидентификации личности, ее восприятия своей принадлежности. По мнению автора, немцы идентифицировали себя как с географическим пространством и средой, в которых они находились, так и с государством, к функциональной элите которого они принадлежали и могущество которого укрепляли своей службой (с. 103–104). Немецкое дворянство и городские бюргеры Прибалтики являлись

уже “русскими немцами”, даже если плохо говорили на языке государства, подданными которого они были. Ярким примером тому Кузбер считает А.Х. Бенкендорфа, редко изъяснявшегося по-русски, но верно служившего “царю и Отечеству”. К этой группе принадлежал и Литке – одаренная личность, отождествлявшая себя с Российской империей и ее правящей династией. Его деятельность представляла собой синтез ценных научных исследований и весьма успешной карьеры. Он имел титул графа, достиг адмиральского звания, являлся Президентом Академии наук в 1864–1882 гг. и членом Государственного совета. Помимо глубоких работ по исследованию Арктики, ему принадлежит описание деятельности Русского географического общества и его структуры. Примечательно, что характерную для Российской империи идею панславизма в 60–80-х годов XIX в. Литке считал для себя чуждой, хотя в своей биографии он не идентифицировал себя как “немец” (с. 116).

В отечественной литературе исследуемой в рецензируемой книге проблематике посвящено большое количество работ, и событийно-познавательная сторона процесса изучения Восточной Азии российским историкам и интересующимся читателям известна. Но взгляд “извне”, который помогает выявить новые дискуссионные проблемы и свидетельствует о неугасающем за рубежом интересе к истории русской науки, зачастую не менее важен, чем взгляд “изнутри”.

Л.И. Иволина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Смоленского государственного
университета

А.Г. Голиков, И.С. Рыбачёнок. СМEX – ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ. РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ XIX–XX веков В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ. М.: Институт российской истории РАН, 2010, 328 с.

Новая книга докторов исторических наук А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок – это иллюстрированное издание, анализирующее познавательный потенциал политической карикатуры¹ рубежа XIX–XX вв. как источника, рассматривая его в конкретно историческом контексте внутреннего положения России и ее отношений

с миром и отдельными странами. Карикатура – явление не христианское. Из глубины веков – Древнего Египта и Греции – оно прошло через религиозную борьбу периода европейской Реформации и получило импульс последующего развития от революционной Франции XIX в. В Россию предтеча карикатуры пришла в XVII в. в виде лубочных картинок под влиянием потешных немецких листков, занесенных через Польшу, и голландских лубочных гравюр (с. 9).

¹ Карикатура от итальянского “caricare” – “отягощать”, “усиливать”, “сгущать”.

Но на Руси была и своя давняя традиция смеховой культуры, широкие масштабы которой отмечал Д.С. Лихачев².

В европейских странах лидером по числу сатирических журналов, как показали авторы, была Франция, где вышло семь изданий, получивших известность. Немного отставала от нее Германия (шесть изданий) и Австро-Венгрия (пять), затем уже с отрывом шли: Италия (два), Англия (два), Испания (одно), Швейцария (одно) и Америка (одно). В России долгое время издавались журналы карикатур: “Развлечение” (1859–1918), “Будильник” (1865–1917), “Шут” (1879–1914), “Стрекоза” (1975–1918), “Сатирикон” (1908–1914), часть его сотрудников основала еще один журнал – “Новый Сатирикон”, первый номер которого вышел 1 апреля 1908 г. Отличие нового журнала было в постановке актуальных политических проблем, остроте разоблачений средствами “злого смеха”³, становившегося действенным оружием в идейно-политической борьбе.

Политическая карикатура, являясь, по словам авторов, политической “историей без слов” нового и новейшего времени, фокусирует внимание зрителя-читателя на актуальной для современников политической и общественной проблематике. Вместе с тем сама карикатура может существовать только в определенном политическом климате, позволяющем художникам насмешливо-критическое отражение действительности, в том числе и верховной власти. Эмоциональное воздействие карикатуристов на аудиторию и ее востребованность публикой всегда была тем сильнее, чем талантливей и искусней художники в подаче зрительно узнаваемых образов, чем злободневнее сопровождающие их тексты. Корреляция степени общественной свободы, допущенной властью, и состояние жанра политической карикатуры очевидны, и в монографии предлагается интересный материал для их определения. При известных обстоятельствах допущенная властью свобода может обернуться, как бывало в истории той же России, против самой власти, а как следствие и для общества, теряющего вместе со свободой возможность защиты гражданских прав средствами периодической печати, в число которых входит и изобразительная политическая сатира. Таким образом авторы подводят читателя к мысли, что развитие политической карикатуры и ее свойства

непосредственно зависят от уровня гласности. В отечественную лексику слово “гласность” вошло в 1860-е годы. Авторы отдают должное М.Н. Каткову, показавшему “русское публичное мнение” – новое для своего времени явление, появившееся благодаря периодической печати (с. 46). Не случайно тогда наблюдался расцвет сатирических журналов – “Искры”, “Иллюстрации”, “Иллюстрированной Газеты”, “Гудка” и др. У истоков политической карикатуры стояли Н.В. Иевлев (1835–1866), Н.Е. Рачков (1825–1895), Н.А. Степанов – сын Красноярского губернатора, основатель и соредактор совместно с демократически настроенным В.С. Курочкиным журнала “Искры”. Карикатурист Степанов был также редактором журналов “Весельчак”, “Арлекин”, “Гудок”, “Развлечение”, “Зритель”, “Заноза”. Художественное образование, высокая наблюдательность, критически заостренный на социальных вопросах взгляд, работа в разных жанрах, в частности Н.Е. Рачкова – портрета и бытовой композиции, чьи картины приобрели П.М. Третьяков и К.Т. Солдатенков – все это рождало высокий художественный уровень отечественной карикатуры и в значительной мере обеспечивало успех национальных периодических изданий.

Отобранные для книги авторами 176 черно-белых карикатур созданы 49 отечественными и зарубежными художниками, из которых 27 – иностранцев: французских, немецких, испанских, итальянских, английских, голландских. Репродукции отражают развитие отечественной (90 карикатур) и мировой (86 карикатур) сатирической политической графики. В отличие от черно-белых среди выбранных для книги 25-ти цветных иллюстраций вкладки преобладают отечественные карикатуры, их 23. Вместе с тем сам рассказ о появлении и развитии карикатуры, ее популярности в определенных социальных и политических кругах авторы не исчерпывают только представленным ими иллюстративным рядом. Предложенное в тексте сочетание описания и наглядности позволяет им решать поставленную перед собой задачу анализа явления политической карикатуры и ее особенностей, языковой культуры, характера сатиры в зависимости от страны и видения читающей публикой задач, стоящих перед страной. В каждом случае – отдельной: Германией, Англией, Францией и т.д., но обязательно в контексте их отношений с Россией и видения ими России. Вместе с тем Россия дана в книге как самостоятельная величина, имеющая собственное представление о своей роли в мире, отношениях с другими странами и собственных проблемах.

Состоящую из 12 глав книгу открывает глава “Смеяться вовсе не грешно...”, характеризующая историю карикатуры, особенности

² Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение. – Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. И другие работы. СПб., 2001, с. 344.

³ О категории злого смеха и смеха циничного см.: Пронн В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.

ее национального проявления, традиции, основные издания, подходы к изучению самого явления политической карикатуры. Единый блок из шести глав посвящен зарубежной и отечественной карикатуре, освещающей события международных отношений. Международной политической карикатуре предпосланы две главы: «“Конь” прогресса» и «“Лестница” жизни», где показана неразрывность политической карикатуры и периодической печати, единство их усилий по десакрализации власти, активизация ее критики в кризисных условиях первой русской революции.

Карикатура как источник наглядно и остро высвечивает проблему власти и общества, и в данном качестве она впервые системно рассматривается авторами. В течение XIX – начала XX в. неприятие представителей исполнительной государственной власти – чиновничества, множившегося “как крапивное семя”, и символизирующего их “мундира” – формировалось в отечественной литературе и публицистике, одной из разновидностей которой собственно и является политическая карикатура. Она нередко прямо иллюстрирует тексты политических статей, рядом с которыми располагается на газетных и журнальных страницах, или тесно с ними связана.

Выработка устойчивого нигилистического и неуважительного отношения к власти, убеждения в ее бессилии и как следствия – недоверия к ней – настойчиво и вполне успешно осуществлялась в том числе и с помощью изобразительных средств, но не только. Так, неприглядные карикатурные образы представителей высшей власти, в первую очередь Николая II, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, во многом совпадали со стихотворной сатирой⁴. Видимо, неслучайно направленность смеха на чувствительные стороны человеческого бытия в предреволюционные годы обращалась против власти, понижая и разоблачая ее образ.

Завершают книгу три главы: «Наша “Конституция”», «Не по Сенке шапка», «История русской революции» (февральской 1917 г.). Авторы пишут, что “отмененные революцией цензурные ограничения не привели, в отличие от периода 1905–1907 годов, к возникновению новых отечественных сатирических журналов. Критиковать стало некого: царский режим ушел в прошлое, а новая власть обещала со временем решить назревшие вопросы общественной жизни” (с. 292). Однако кредит доверия властям не является величиной постоянной. Да и сама природа молчания бывает разной. Так, новейшие исследования истории изобразительного искусства в годы правления И.В. Сталина

показывают невозможность появления политической карикатуры на вождя и создания смеховой ситуации вокруг власти в периодической печати тех лет⁵. Часть дореволюционных карикатуристов, плодотворно работавших в 1920-е годы в Советской России, на их излете эмигрировала, как С.В. Чехонин (1878–1936). Другие совершенствовались уже в советской графике, как, например, А.А. Радаков (1877–1942), бывший автор и соредатор журнала “Новый Сатирикон”. Вера демократических сил в смех как гражданскую силу, широко распространенная в России при Николае II, на долгие годы была поколеблена.

Впервые в отечественной литературе в книге А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок собран материал, позволяющий судить о широком круге художников-карикатуристов разных стран. Среди них как более или менее известные, так и совсем малоизвестные имена. Русские: С.Ф. Соколовский, Н.В. Ремизов, С.В. Чехонин, А.А. Лабуц, И.Ф. Шестаков, А.А. Радаков, Д.С. Орлов (Моор Д.), а также Н.В. Иевлев, М. Михайлов, Н.А. Степанов, Н.Е. Рачков. С новой стороны раскрывается творчество Б.М. Кустодиева и И.Я. Билибина, малоизвестных как политические карикатуристы. Французские художники представлены именами А. Лемоля, Ж. Шантеклера, Ш. Филиппона, Дж. Гран-Картере, А. Рене и др., немецкие – В. Шольцем, Г. Брандтом, А. Крюгером, Л. Стутцем и др., английские – С. Свейном, Х. Андерсеном, Линлей-Самбурном, Равен-Хилом, итальянские – Насикой, Нирсоли, Гайдо, Рато Ланго. Отдельные художники работали в нескольких изданиях, но, как правило, периодические издания, особенно известные, имели своих мастеров, которые создавали останавливающие взгляд зрительные образы, подчеркивающие концепцию печатного органа. Так, С.Ф. Соколовский проводил в карикатурах идеи “Нового времени”.

В политическую карикатуру приходили разные люди не только по характеру и судьбе, но и социальным параметрам. Поэтому мысль о возможности применения биографического метода к анализу политической карикатуры, на которую наводит чтение книги, может оказаться эффективным. О судьбе личной и художественной русских карикатуристов в отечественной литературе материал собирается более интенсивно, чем о зарубежных художниках. Остается неизвестной и специальная зарубежная историография проблемы, открытие которой является делом будущего. Нехватка такого рода материалов не дала возможности авторам

⁴ Ср. Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л., 1985.

⁵ См.: *Пламтер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

столь же последовательно показать восприятие художниками-карикатуристами разных стран анализируемых в работе проблем на персональном уровне, но перспектива такого исследования открывается.

Авторы рассматривают карикатуру как упорядоченную изобразительную форму, обладающую только ей присущими признаками – знаковой системой. Стиль же является признаком автора-художника, отражающего определенную ментальность, где непременно присутствует национальная составляющая. В России художники-карикатуристы, как и публицисты, находили возможности преодоления цензурных ограничений за счет подготовки читателя, относящегося к карикатуре, как иные современники сегодня относятся к жанру сканвордов, а до этого кроссвордов, т.е. разгадывая вложенные в карикатуру политические смыслы и значения. Авторы показали признаки, по которым читателем-зрителем мог быть опознан смысл, заложенный в рисунок и сопровождающий его текст, приемы доведения этого смысла до читающей публики, в том числе и с помощью “эзопова языка”. Особое внимание обращается на соединение в карикатуре крайностей и разятие ценностей, поиск общего в различном и различного в общем. Но в основном это касается отечественной карикатуры, высмеивающей внутренние неустройства.

В отечественной печати и карикатурах ставились иные акценты, чем в иностранной. В первую очередь речь идет о карикатуре по международной тематике. В отличие от внутренних карикатур, рассматривая конкретный вопрос внешней политики и международных отношений художники всех стран защищали свое отечество, и если и позволяли себе иронию над соотечественниками, то сарказм и гротеск берегли для врагов (по военным блокам), конкурентов (по захвату других территорий) и т.д. В книге выстроены изобразительный ряд, высвечивающий историю складывания Антанты, формирование союзных отношений между Россией и Францией и противоречия союзников, их отношение к России и реакцию стран Тройственного союза на новый военный блок. Тревоги о хрупком мире, волновавшие художников всех европейских стран, нашли разное изобразительное проявление. Голландцы перепечатали из немецкого журнала карикатуру “На дороге к миру” – образ многотрудного пути к вершине “Мира” по узкой каменистой тропке над пропастью “Войны” (с. 127).

От позиции страны, в которой жил художник, зависел “образ врага” и угрозы миру. Инициатива, проявленная Россией о созыве мирной Гаагской конференции, вызвала недоверие и скептическое отношение правительств, в том числе и Англии. Навязчиво подавался образ

медведя, с ним ассоциировалась Россия, и его медвежья услуга. Насмешливо комментировали русскую мирную инициативу и немецкие карикатуристы, показывая Россию в виде неуклюжего медведя, выметающего с земного шара оружие, причем самого медведя при этом ведут на короткой цепи (“Чудо дрессировки”, с. 126).

По смыслу русская и французская карикатурные версии (С.Ф. Соколовского и Карана д’Аше) ответа Англии на мирное предложение России совпадали. Самодовольная фигура Дж. Буля, настроенного среди пушечных ядер и орудийных снарядов, имея за спиной армаду сильнее в мире английского флота, “поговорить” о всеобщем разоружении (с. 122). Тревоги современников, выраженные карикатуристами, часто пессимистично, как показали авторы, были вполне оправданы, ибо “реальные рычаги контроля над неизбежными тайными нарушениями запрета усовершенствовать вооружения отсутствовали” (с. 123).

Однозначно и целенаправленно русские карикатуристы формировали у отечественного читателя негативный образ Британской империи, ее политики грабежа и насилия, проводившейся во всех регионах мира. Особенно острая реакция была на англо-бурскую войну и претензии Лондона на гегемонию в китайских делах. В этом случае ближе русским карикатуристам было отношение к Англии немецких художников. Так, “Мечта Джона Буля” об английской гегемонии в Поднебесной империи, ее раскрывала карикатура “Вышколенные шпицы за работой” (с. 166). На ней державы в образе шпицов жарили на вертеле кусок мяса, по форме напоминающий очертания Китая на карте, и Дж. Буль мечтал завладеть им целиком. Русские художники Россию в борьбе за Китай не называли. Объединяло же карикатуристов всех стран, несмотря на отличия национальных трактовок, одно: разоблачение захватнических замыслов других держав.

Анализируя каналы распространения информации, в том числе и посредством карикатуры, авторы показали последовательность появления отдельных карикатур, обращая внимание на их перепечатку не только в разных изданиях, но и в разных странах, что в свою очередь является показателем актуальности затронутой в них проблематики.

Карикатура не исчерпывает многообразия внутривнутриполитического и международного бытия, но является составляющей в политике и политической культуре средством их реализации, что и показано в новой своеобразной и интересной книге А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок.

М.Ю. Лачаева,

доктор исторических наук, профессор
Московского педагогического государственного университета